

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Газета
Центрального Комитета
КПСС

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Пульс времени на телеэкране

Петр Колесников.

строгальщик «Ростсельмаша», Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР

Среди моих знакомых есть люди, безапелляционно заявляющие: «Телевизор? Не смотрю». Ну а я смотрю телевизор. Смотрю всегда, когда есть возможность. Он держит меня в курсе всех дел моей страны, моей планеты, обогащает новыми знаниями, впечатлениями, ворот даже меняет привычные представления. В немалой мере благодаря именно телевизору мы и нагляднее, и масштабнее, ощущаем, видим огромную, сложную работу по ускорению научно-технического прогресса, интенсификации экономики, которая повсеместно развернулась у нас в стране после XXVII съезда КПСС. Трудиться эффективно, с меньшими затратами — значит производить продукцию много больше и лучшего качества. Все, что мы наработаем, что, скажем, выгадаем, пойдет для нас же. Больше появятся детских садов и яслей, стадионов, дворцов культуры, домов отдыха. Еще свободнее, сильнее, увереннее почувствует себя человек труда.

XXVII съезд партии, делегатом которого мне почастливило быть, поставил перед нами грандиозные и, я глубоко убежден, выполнимые задачи. Убежден, потому что наш народ всегда с честью выходил из всех испытаний, которых было испытано на нашем историческом пути. Я это сам видел и пережил.

Начал работать в восемьдесятгоду тридцатилетним парнишкой, на свой завод пришел в тридцать первом. Счастлив, что был среди тех, кто начинал стахановское движение, что мои руки участвовали в сборке первого комбайна завода и всех последующих, что был фанатистом, что сегодня, несмотря на возраст, продолжаю трудиться на трех станках — за себя и своего погибшего друга М. Маркова, что на моих глазах происходит реконструкция завода, которая позволит нам выпускать машины с электронным управлением.

Сегодня по всей стране набирает движение за экономику завтрашнего дня. Конечно, на этом пути есть и будут препятствия, трудности, проблемы. Вот почему поддерживаю телевидение, когда в передачах на производственную тему не склоняются углы, когда видишь правду жизни. Смысль передачи, следующий какой-либо конкретный вопрос от момента его постановки до получения результата — в действительности. Ростовская студия телевидения, например, как бы брала под контроль общества ползователей, заводов области и позволяла зрителям следить за ходом их выполнения. Помимо, как мы волновались, готовя в подарок съезду первую сотню комбайнов «Дон-1500». Наше слово не должно было разойтись с делом, и телевизионные репортажи с завода были почти ежечерним напоминанием об этом.

А ведь еще не завершила реконструкция многих цехов, еще только перестраивалась конвейер, еще не подошли сроки поступления станков из Ленинграда, Киева, Минска, бас, которых сборка «Донов» была невозможной. Представители «Ростсельмаша» поехали к поставщикам, объяснили ситуацию и нашли полную поддержку. Благодаря такому пониманию, получив необходимое оборудование, смогли отладить стоящие цехи.

Теперь он должен стать на поток. Его бесперебойность, как и качество машин, во многом будет зависеть и от нас самих, и от безусловного соблюдения поставок предпринимателями-смекхниками. «Твое отношение к труду», выполнение взятых тобой обязательств — освещении этих тем перед телевидением, по-моему открывается огромное поле деятельности. Домашний экран может быть и хорошим пропагандистом передового опыта, и надежным контроллером.

Как зрителя испытываю большое уважение, например, к передачам «Общественная приемная» на нашей местной студии и представительским «круглым столам», которые на всесоюзном экране ведет политический обозреватель Лев Вознесенский. Думаю, эти передачи обязательно помогут окончательно избавить нашу ладовую языком от выражения, рожденного в стародавние времена и, увы, дошедшего до наших дней: «положить в «долгий ящик». Тогда, как известно, попадали жалобы, слишком острые вопросы и предложения, которым не давали хода. И вот перед тобой на экране компетентнейшие специалисты; им прямо по телефону можно задать поболевший вопрос. Пусть не всегда он решается сразу, на месте, но всегда ты либо получаешь обоснованный ответ, либо узнаешь, что твой вопрос вызвал интерес и взят на заметку учеными и работниками центральных ведомств.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

• «Безразличность» со- жизненной позицией, с высо-
стоит в том, что письма, пись-
ками нравственных качеств.
сийская министр, при тех
иже — вот проблема, на мой
взгляд, важнейшая в сегодняш-
нем театре — на эту тему
рассматривает народный артист
РСФСР Юрий Соломин [стр. 4].

• Хранящиеся в семей-
ном архиве Константина Фе-
дина: дневники и запис-
ные книжки практически не-
известны читателю. Но они —
бесценное свидетельство чест-
ного и наблюдательного ху-
дожника о времени и о себе,
отмеченное повторимой пе-
чатью яркой творческой ин-
дивидуальности [стр. 6].

• На бесстрастного конф-
тора статья «Министерская
драма» [стр. 3].

• Воспитать молодого ви-
тебского художника с актной
стороной [стр. 5].

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1986

Четверг, 29 мая
№ 64 (6164)
Выходит по вторникам,
четвергам и субботам
Цена 6 коп.

ЛЕТНИЕ ГАСТРОЛИ

Собираются в путь театры

Наступает лето — активная пора гастролей. В самых разнообразных направлениях проходят театральные марширы.

Отправятся в дорогу москвичи. Малый театр Союза ССР — в Хабаровск, Владивосток, Академический театр имени Арсеньева — в Минск, Академический театр имени Вл. Маяковского — в Пермь, Челябинск, театр «Современник» — в Ригу, Вильнюс, в Ленинград приедут театральные коллекции из Молдавии, Латвии, Чечено-Ингушетии. В Баку — из Горного. Во Фрунзе — из Свердловска.

Однинадцать музыкальных и драматических театров побывают в нынешнем летом в столице. Среди них коллекции из Вильнюса и Казани, Ленинграда и Тбилиси, Ярославля и Челябинска, Сум и Риги, Алматы и Фрунзе.

— Что нового в организаций нынешних театральных гастролей?

С этим вопросом наш корреспондент М. Каминская обратилась к начальнику управления театров Министерства культуры ССР А. Жарову:

— Сказать, что на сегодняшний день в нашей гастрольной политике произошел какой-то принципиальный поворот, значило бы погрешить против истинны. Основы, на которых она в

своё время была построена, какются нам резинными и по сей день.

Гастроли — это творческий отчет театра, подведение итогов работы коллектива за определенный период. При организации гастролей в городах республиканского и областного значения, в крупные производственные и культурные центры мы стремимся как можно разнообразнее показать театральное искусство нашей страны, способствовать взаимообмену национальных культур.

Это сображение остается определяющим и в текущей пятнадцатке. Однако в нынешних гастрольных планах по сравнению с предыдущими будет сделано особое внимание Сибири и Дальнему Востоку.

— Какие параметры учитываются при выборе театра для поездки в Москву?

— Конечно, в столице должны привезти лучшие коллекции из разных областей.

— Какие параметры учитываются при выборе театра для поездки в Москву?

— Конечно, в столице должны привезти лучшие коллекции из разных областей.

Мировать афиши так, чтобы она не дублировала названия, имеющиеся в Москве. Обязательным сейчас является и спектакль «взрослого театра для детей».

— В последние времена в столице почти не представлены гастролирующие труппы. А если приезжает коллеги, то, как правило, не в школьный школьный сезон, а в каникулы, когда большинство юных зрителей уезжают отдохнуть. Разумеется ли это?

— Да в том, что гастроли во время активного сезона сопряжены со множеством трудностей. Мало места в гостиницах, в главном, сложно со сценическими площадками. В таком городе, как Москва, ее бурной и разнообразной культурной жизнью, обзавестись труппой плюшевой площадкой, круглый год привинчиваться к гастролерам.

Речь идет о некомто варваре, который будет работать постоянно, организует поездки всякой езды, где играет коллекции из бретонских республикан, чьи места есть в Ереване, Тбилиси, Казани. А в Москве нет до сих пор. Правда, сейчас появился реальная возможность создания такого театра. Здесь можно будет проводить и большие гастроли, и показывать отдельные спектакли.

Есть идея — основать будущую площадку современной телевизионной аппаратуры. Тогда можно будет прямую трансляцию лучших спектаклей театров страны на телевидении, с тем чтобы дать зрителю более широкое представление о советском многонациональном театральном искусстве.

Возобновились киносеансы

Шахтеры Донецка и Новомосковска, химники Ленинграда и Ворошиловграда, метростроевцы Харькова, воины Советской Армии заполнили залы районного Дома культуры в Чернобыле. Для них дали большой концерт участники Всеонежского фестиваля искусств «Киевская весна» — ансамбль песни и пляски дальневосточного белтагана, фольклор и известный украинский вокальный мужской квартет «Ванера».

Дом культуры отыскался будет работать постоянно, организует поездки всякой езды, где играет коллекции из бретонских республикан, чьи места есть в Ереване, Тбилиси, Казани. А в Москве нет до сих пор. Правда, сейчас появился реальная возможность создания такого театра. Здесь можно будет проводить и большие гастроли, и показывать отдельные спектакли.

Есть идея — основать будущую площадку современной телевизионной аппаратуры. Тогда можно будет прямую трансляцию лучших спектаклей театров страны на телевидении, с тем чтобы дать зрителю более широкое представление о советском многонациональном театральном искусстве.

В двух залах были представлены 13 пьес из Ромадинского, написанных в послевоенные годы, и 12 картин его сына, созданных в самое последнее время. Впервые работы этих художников выставляются вместе.

Перед посетителями представляют лирические русские песни, заспеванные деревенскими, занят на Волге, позорный вид на гору Арапат, созданные художником Н. Ромадином. Проведенные сыне, художником, работающим в театре и кино, выполнены в ином стиле.

— Особенно интересно было поставить рядом полотна отца и сына Ромадинов, которые, как это часто бывает, работают в совершенно разных манерах, — говорит директор картинной галереи где развернута выставка, Г. Басмаджян.

— Во Франции существует огромный интерес к советской культуре вообще, — продолжает он, — мы это ощущаем в нашей поездке в Европу, работе, по- скольку вот уже шестой год проводим экспозиции советских художников.

Новостройки культуры

• Благоустраивается и обновляется районный центр Армянской ССР Эчмадзин.

За последние время город украсили оригинальной архитектурой здания культурно-бытового назначения. Среди них и этот новый кинотеатр на восемьсот мест.

Фото Р. Атаве [ТАСС]

МИНИСТЕРСКАЯ ДРАМА

... В ПЕРВЫЕ мне довелось побывать в Министерстве культуры Туркмении весной 1982 года. Уже тогда бросилась в глаза одна деталь: иные из руководителей, называемые признаком должности, добавляли — «драматург». И звучало как-то странно: министр — драматург, зам. министра — драматург, главный редактор репертуарной коллегии — драматург... То же самое повторилось и в Министерстве культуры Таджикистана. Здесь тоже среди руководства — драматургическое по-верти.

Согласитесь, есть над чем задуматься. Увиденные в театрах этих республик спектакли добавляли пищу для размышлений. Не столько астетического, сколько нравственного порядка. Потому что — в результате моей командировки это подтверждают — у пьесы, написанной министром или другим должностным лицом из руководящих сфер, несравненно больше шансов быть поставленной на сцене, чем у сочинения любого драматурга.

Творчество должностных лиц многогранно: пишут либретто и операм и балетам, сценарии детских праздников и официальных торжеств, но особый интерес вызывают потому что пьесы на моральную тему.

В текущем репертуаре Туркменского академического театра им. Моллапедеса на сегодняшний день семь пьес министра культуры А. Мамилина и Б. Суханова — недавнего главного редактора репертуарной коллегии. Семь из тридцати — четверть репертуара. Естественно, это не совсем точно. В репертуаре волокнина спектаклей только числятся, и, значит, семь — это почти 50 процентов.

«К сожалению», спектакли погодинской Ленинградской «Кремлевских курантов», «Человек с рукою», «Третья патетическая», переходя в текущий репертуар из года в год, почти совсем не показываются зрителью на стационаре, не говоря о выдаче их на гастроли, — говорят в справке министерства о работе театров, подготовленной для Президиума Верховного Совета республики.

Безнравственность в том, что пьесы, написанные министром, при тех пороках, которые им же заведены, обречены быть купленными. Кто рискнет стечь пьесу своего руководителя плодом и «сожалением» от этого?

Технология излечения выходит из своего естественного положения проста.

Можно объявить закрытый конкурс и привлечь самых себя участвовать. Можно нужному автору оформить гостинак на пьесу нужной тематики. Тут есть множество инсанов. Можно купить, скажем, еще не существующую пьесу — это называется «дать аванс» (когда 600 рублей, а иногда и тысячи). Появится ли она на свет и какой окажется, неважно. Не является — и ладно. Появится — автору доплатят еще полторы-две тысячи. В остальных случаях надо, чтобы «министерство» (будем так называть пьесы, сделанные сотрудниками министерства) принял к постановке какой-нибудь театр. Театр пишет официальное письмо: хотим поставить такую-то пьесу — это довольно, чтобы автору был выплачен гонорар.

Итак, министерская пьеса не знает осечек в реализации. Деньги кончились? Не беда. Есть еще фонд на покупку пьес для самодеятельности, фонд вдвое больший, чем для профессионалов. И все «министерства» пополняются оттуда. И денег там больше, и формальностей меньше.

Передо мной список произведений, купленных для театров, к примеру, Министерством культуры Узбекистана. Из ста называемых, впрочем 20 стоят «не осуществлены». 20 из 100 оказались никому не нужны, а деньги за них получены полностью.

«Не осуществлены» — прямое признание неудачи. Но «осуществлены» — не означает успеха. Часть это формальное, ложное «осуществление» — речь о спектаклях, показанных на сцене один-два раза. Вот и выходит, театры дают фальшивки, потом осуществляют фальшивки, потом — «осуществляют» фальшивое письмо — 3 тысячи рублей автору, фальшивая постановка — еще десять тысяч убытка государству.

С самодовольствием еще проще. В будто вспыхнувших спектаклях, где «министершу» прокатают до 90 раз, стоимость выездного спектакля стабильна. Высокая зависимость от числа зрителей — 500 рублей. Сбор — 45 тысяч. Автору оцьтю же — его доля. На дневной спектакль в колхозный клуб привозят из автобуса зрителей из соседнего хозяйства. Сколько их может быть, людей, свободных от сельхозработ днем? Тем не менее с каждого хозяйства по 500 рублей. Вечером еще спектакль — в третьем колхозе. За день — полторы тысячи. Иногда деньги берут у колхоза в долг. «Дайте сейчас 500, а спектакль когда-нибудь вернем». Поднажмешь — дадут.

Но колхоз еще можно понять. Выывает спектакль покупает частник. По указанию Мамилина-министра театр принимает в кассу 500 рублей и везет пьесу «Остановка «Любовь» Мамилина-драматурга и покупателю на дом, на сзади дочери. Но донести не получается. В разгар действия в магазине вспыхивает добродушный счастливый отец: «Молодцы, размаш, хватит, плюв ужо готов». Плачет Мель помена. Гости, восхищенные выдумкой хозяйки, погружают пальцы в плов. В плове театру идет еще один спектакль.

Другого режиссера я спросил, стоило ли ставить «министершу». А выигрывает пьеса, которая покупает частника. По указанию Мамилина-министра театр принимает в кассу 500 рублей и везет пьесу «Остановка «Любовь» Мамилина-драматурга и покупателю на дом, на сзади дочери. Но донести не получается. В разгар действия в магазине вспыхивает добродушный счастливый отец: «Молодцы, размаш, хватит, плюв ужо готов». Плачет Мель помена. Гости, восхищенные выдумкой хозяйки, погружают пальцы в плов. В плове театру идет еще один спектакль.

Но колхоз еще можно понять. Выывает спектакль покупает частник. По указанию Мамилина-министра театр принимает в кассу 500 рублей и везет пьесу «Остановка «Любовь» Мамилина-драматурга и покупателю на дом, на сзади дочери. Но донести не получается. В разгар действия в магазине вспыхивает добродушный счастливый отец: «Молодцы, размаш, хватит, плюв ужо готов». Плачет Мель помена. Гости, восхищенные выдумкой хозяйки, погружают пальцы в плов. В плове театру идет еще один спектакль.

Но колхоз еще можно понять. Выывает спектакль покупает частник. По указанию Мамилина-министра театр принимает в кассу 500 рублей и везет пьесу «Остановка «Любовь» Мамилина-драматурга и покупателю на дом, на сзади дочери. Но донести не получается. В разгар действия в магазине вспыхивает добродушный счастливый отец: «Молодцы, размаш, хватит, плюв ужо готов». Плачет Мель помена. Гости, восхищенные выдумкой хозяйки, погружают пальцы в плов. В плове театру идет еще один спектакль.

Другого режиссера я спросил, стоило ли ставить «министершу».

— Стою... — он закатил глаза и вздохнул руки... — очень дорого стоило. 20.000 потратил, а sägavt один раз: публика разбежалась.

Народный артист Таджикистана Сафаров: «Мне невозможно стыдно произнести текст! Уберите эти фразы! «Нельзя!», «Почему?» — «А что тогда останется от образа?»

Мощный, видно, образ.

Кстати сказать, Сафаровы, как он сам заметил, написали «Беды 25 пьес. Все они куплены, поставлены, изданы...».

В Таджикском академическом театре им. Мадждиева пьесы министра Сафарова: «Поставят, один раз смотрят и снимут — публика, моя, не идет. Махинации, прямо надо сказать.

АНАЛИЗИРУЯ явление, постараюсь обойти тьмы без расплывчатых эстетических оценок, которые побуждают опытных людей сразу хвататься за испытательное оружие: обвинять противника в субъективности взглядов и методов. Авторы несобственно слышат: «Нас печатают там-то, ставят там-то, хвалят, отмечают премиями, а ему не нравится! Да кто он такой?» Кто? Зритель. Хочу в театры, смотрю, сравниваю, делаю выводы. Да и одни ли я в своих сомнениях? Сегодня, когда идет бескомпромиссная, острая борьба с искаженными тенденциями, следует сказать открыто и о таком специфическом использовании служебного положения, которое пытаются выдать себя за творчество, искусство. С этим сталкиваешься не только в театре, но и в кино, в музыке, в литературе... С ironией мы говорим о «скретарской литературе», то есть о том, что у нас есть литераторы, у которых печатают все, что им написано, независимо от качества только потому, что они занимают положение в Союзе писателей. О такого рода явлениях упоминали и на VI съезде кинематографистов.

В афиши московских гастролей Туркменского академического театра им. Мадждиева было якобы называться «Сафаровы» (будем так называть пьесы, сделанные сотрудниками министерства) пришли к постановке национальной пьесы А. Низамова: «Ставьте «Тень дядьлы!» И никаких «взрываний» — «Но у нас утвержденный репертуарный план!» — «Меняйте!»

Это было вчера. А сегодня мой собеседник советуются при мне: может, выбросить «Горе от ума?»

Только ОКОЛО за один год Н. Исламов — исполнитель обязанности главного редактора репертуарной коллегии, купил две пьесы у зам. министра Сафарова, две пьесы у Сиддики и две — у самого себя. Сегодня должность перешла к Сиддики, и он первым делом был старым, когда-то отвергнутым письму. Знал, что Сафаров, Татьяна Лахути до понимания его творчества.

Жил в Узбекистане драматург А. Ибрахимов. Стал в 1984 году главным редактором репертуарной коллегии Министерства культуры Республики. И... пошел сразу в семинар.

Бывало, так руководящий автор прибыл.

Сентябрьские гастроли, где «министершу» прокатают до 90 раз, стоимость выездного спектакля стабильна. Высокая зависимость от числа зрителей — 500 рублей. Сбор — 45 тысяч. Автору оцьтю же — его доля. На дневной спектакль в колхозный клуб привозят из автобуса зрителей из соседнего хозяйства. Сколько их может быть, людей, свободных от сельхозработ днем? Тем не менее с каждого хозяйства по 500 рублей. Вечером еще спектакль — в третьем колхозе. За день — полторы тысячи. Иногда деньги берут у колхоза в долг. «Дайте сейчас 500, а спектакль когда-нибудь вернем». Поднажмешь — дадут.

Самодовольство еще проще. В будто вспыхнувших спектаклях, где «министершу» прокатают до 90 раз, стоимость выездного спектакля стабильна. Высокая зависимость от числа зрителей — 500 рублей. Сбор — 45 тысяч. Автору оцьтю же — его доля. На дневной спектакль в колхозный клуб привозят из автобуса зрителей из соседнего хозяйства. Сколько их может быть, людей, свободных от сельхозработ днем? Тем не менее с каждого хозяйства по 500 рублей. Вечером еще спектакль — в третьем колхозе. За день — полторы тысячи. Иногда деньги берут у колхоза в долг. «Дайте сейчас 500, а спектакль когда-нибудь вернем». Поднажмешь — дадут.

Самодовольство еще проще. В будто вспыхнувших спектаклях, где «министершу» прокатают до 90 раз, стоимость выездного спектакля стабильна. Высокая зависимость от числа зрителей — 500 рублей. Сбор — 45 тысяч. Автору оцьтю же — его доля. На дневной спектакль в колхозный клуб привозят из автобуса зрителей из соседнего хозяйства. Сколько их может быть, людей, свободных от сельхозработ днем? Тем не менее с каждого хозяйства по 500 рублей. Вечером еще спектакль — в третьем колхозе. За день — полторы тысячи. Иногда деньги берут у колхоза в долг. «Дайте сейчас 500, а спектакль когда-нибудь вернем». Поднажмешь — дадут.

Самодовольство еще проще. В будто вспыхнувших спектаклях, где «министершу» прокатают до 90 раз, стоимость выездного спектакля стабильна. Высокая зависимость от числа зрителей — 500 рублей. Сбор — 45 тысяч. Автору оцьтю же — его доля. На дневной спектакль в колхозный клуб привозят из автобуса зрителей из соседнего хозяйства. Сколько их может быть, людей, свободных от сельхозработ днем? Тем не менее с каждого хозяйства по 500 рублей. Вечером еще спектакль — в третьем колхозе. За день — полторы тысячи. Иногда деньги берут у колхоза в долг. «Дайте сейчас 500, а спектакль когда-нибудь вернем». Поднажмешь — дадут.

Самодовольство еще проще. В будто вспыхнувших спектаклях, где «министершу» прокатают до 90 раз, стоимость выездного спектакля стабильна. Высокая зависимость от числа зрителей — 500 рублей. Сбор — 45 тысяч. Автору оцьтю же — его доля. На дневной спектакль в колхозный клуб привозят из автобуса зрителей из соседнего хозяйства. Сколько их может быть, людей, свободных от сельхозработ днем? Тем не менее с каждого хозяйства по 500 рублей. Вечером еще спектакль — в третьем колхозе. За день — полторы тысячи. Иногда деньги берут у колхоза в долг. «Дайте сейчас 500, а спектакль когда-нибудь вернем». Поднажмешь — дадут.

Самодовольство еще проще. В будто вспыхнувших спектаклях, где «министершу» прокатают до 90 раз, стоимость выездного спектакля стабильна. Высокая зависимость от числа зрителей — 500 рублей. Сбор — 45 тысяч. Автору оцьтю же — его доля. На дневной спектакль в колхозный клуб привозят из автобуса зрителей из соседнего хозяйства. Сколько их может быть, людей, свободных от сельхозработ днем? Тем не менее с каждого хозяйства по 500 рублей. Вечером еще спектакль — в третьем колхозе. За день — полторы тысячи. Иногда деньги берут у колхоза в долг. «Дайте сейчас 500, а спектакль когда-нибудь вернем». Поднажмешь — дадут.

Самодовольство еще проще. В будто вспыхнувших спектаклях, где «министершу» прокатают до 90 раз, стоимость выездного спектакля стабильна. Высокая зависимость от числа зрителей — 500 рублей. Сбор — 45 тысяч. Автору оцьтю же — его доля. На дневной спектакль в колхозный клуб привозят из автобуса зрителей из соседнего хозяйства. Сколько их может быть, людей, свободных от сельхозработ днем? Тем не менее с каждого хозяйства по 500 рублей. Вечером еще спектакль — в третьем колхозе. За день — полторы тысячи. Иногда деньги берут у колхоза в долг. «Дайте сейчас 500, а спектакль когда-нибудь вернем». Поднажмешь — дадут.

Самодовольство еще проще. В будто вспыхнувших спектаклях, где «министершу» прокатают до 90 раз, стоимость выездного спектакля стабильна. Высокая зависимость от числа зрителей — 500 рублей. Сбор — 45 тысяч. Автору оцьтю же — его доля. На дневной спектакль в колхозный клуб привозят из автобуса зрителей из соседнего хозяйства. Сколько их может быть, людей, свободных от сельхозработ днем? Тем не менее с каждого хозяйства по 500 рублей. Вечером еще спектакль — в третьем колхозе. За день — полторы тысячи. Иногда деньги берут у колхоза в долг. «Дайте сейчас 500, а спектакль когда-нибудь вернем». Поднажмешь — дадут.

Самодовольство еще проще. В будто вспыхнувших спектаклях, где «министершу» прокатают до 90 раз, стоимость выездного спектакля стабильна. Высокая зависимость от числа зрителей — 500 рублей. Сбор — 45 тысяч. Автору оцьтю же — его доля. На дневной спектакль в колхозный клуб привозят из автобуса зрителей из соседнего хозяйства. Сколько их может быть, людей, свободных от сельхозработ днем? Тем не менее с каждого хозяйства по 500 рублей. Вечером еще спектакль — в третьем колхозе. За день — полторы тысячи. Иногда деньги берут у колхоза в долг. «Дайте сейчас 500, а спектакль когда-нибудь вернем». Поднажмешь — дадут.

Самодовольство еще проще. В будто вспыхнувших спектаклях, где «министершу» прокатают до 90 раз, стоимость выездного спектакля стабильна. Высокая зависимость от числа зрителей — 500 рублей. Сбор — 45 тысяч. Автору оцьтю же — его доля. На дневной спектакль в колхозный клуб привозят из автобуса зрителей из соседнего хозяйства. Сколько их может быть, людей, свободных от сельхозработ днем? Тем не менее с каждого хозяйства по 500 рублей. Вечером еще спектакль — в третьем колхозе. За день — полторы тысячи. Иногда деньги берут у колхоза в долг. «Дайте сейчас 500, а спектакль когда-нибудь вернем». Поднажмешь — дадут.

Самодовольство еще проще. В будто вспыхнувших спектаклях, где «министершу» прокатают до 90 раз, стоимость выездного спектакля стабильна. Высокая зависимость от числа зрителей — 500 рублей. Сбор — 45 тысяч. Автору оцьтю же — его доля. На дневной спектакль в колхозный клуб привозят из автобуса зрителей из соседнего хозяйства. Сколько их может быть, людей, свободных от сельхозработ днем? Тем не менее с каждого хозяйства по 500 рублей. Вечером еще спектакль — в третьем колхозе. За день — полторы тысячи. Иногда деньги берут у колхоза в долг. «Дайте сейчас 500, а спектакль когда-нибудь вернем». Поднажмешь — дадут.

Самодовольство еще проще. В будто вспыхнувших спектаклях, где «министершу» прокатают до 90 раз, стоимость выездного спектакля стабильна. Высокая зависимость от числа зрителей — 500 рублей. Сбор — 45 тысяч. Автору оцьтю же — его доля. На дневной спектакль в колхозный клуб привозят из автобуса зрителей из соседнего хозяйства. Сколько их может быть, людей, свободных от сельхозработ днем? Тем не менее с каждого хозяйства по 500 рублей. Вечером еще спектакль — в третьем колхозе. За день — полторы тысячи. Иногда деньги берут у колхоза в долг. «Дайте сейчас 500, а спектакль когда-нибудь вернем». Поднажмешь — дадут.

Самодовольство еще проще. В будто вспыхнувших спектаклях, где «министершу» прокатают до 90 раз, стоимость выездного спектакля стабильна. Высокая зависимость от числа зрителей — 500 рублей. Сбор — 45 тысяч. Автору оцьтю же — его доля. На дневной спектакль в колхозный клуб привозят из автобуса зрителей из соседнего хозяйства. Сколько их может быть, людей, свободных от сельхозработ днем? Тем не менее с каждого хозяйства по 500 рублей. Вечером еще спектакль — в третьем колхозе. За день — полторы тысячи. Иногда деньги берут у колхоза в долг. «Дайте сейчас 500, а спектакль когда-нибудь вернем». Поднажмешь

УЧИТЕЛЬ, ОТЗОВИСЬ В УЧЕНИКЕ

Юрий Соломин, народный артист РСФСР:

КОМУ ОХОТА БЫТЬ «КОТОМ В МЕШКЕ»?

Воспитать молодого актера художником с античной жизненной позицией, с высокими нравственными качествами — вот проблема, на мой взгляд, важнейшая в сегодняшнем театре.

Формирование индивидуальности театрального актера в силу особой специфики профессии довольно продолжительно во времени. Многое вовсе уется, прежде чем всем станет очевидным, состоялась актерская судьба или нет.

А для некоторых выпускников театральных училищ периода творческого становления приобретает актуальной даже мучительный характер по причинам неблагоприятно складывающихся объективных обстоятельств. Обычно этих неблагоприятных обстоятельств, волнующих судьбы молодых актеров, волнует меня как актрист, педагог, коммунист. О них пойдет речь.

Каждые четыре года в мой класс в Театральном училище им. М. С. Шепкина при Малом театре Союза ССР приходят примерно двадцать пять абитуриентов, проходящих все муниципальные экзамены. С этой минуты и до выпускного вечера они становятся как бы нашими детьми, так как индивидуальная система подготовки, где каждый студент на счету и на виду, требует единения душ и мыслей ученика и учителя.

Задача создания такого союза единомышленников непроста, поскольку география каждого курса, как правило, обширна. В наш, например, иду едущ из всей страны разные по характеру, социальному положению, степени общеразвивающей подготовки люди.

Кстати, горько порой слышать бытующие суждения о том, что в театральный институт или училище принимают не только детей актеров и то по знакомству. Между тем неумолимая статистика показывает, что число театральных династий из года в год катастрофически уменьшается. Их количество сегодня минимало, и об этом факте стоит искренне сожалеть.

Жизнь показала, насколько эффективнее обучение любому ремеслу детей, с малых лет появившимся непросто, поскольку география каждого курса, как правило, обширна. В наш, например, иду едущ из всей страны разные по характеру, социальному положению, степени общеразвивающей подготовки люди.

Для того чтобы действительно «разглядеть» будущего актера, режиссер должен отнести к нему не только как специалист, но еще и как педагог. Именно с таких позиций подошел к предыдущему моему выпуску главный режиссер Драматического театра им. А. С. Пушкина Борис Морозов. Он принял на учебную площадку, где играли ребята, и в спонтанной, вычурной форме просматривал спектакли, где каждый студент на счету и на виду, требует единения душ и мыслей ученика и учителя.

Конечно, эта задача не проста, поскольку с молодыми актерами на сцену выходят мастера старшего поколения, имена которых составляют славу советского театрального искусства.

Одни из путей решения этой проблемы и вижу в создании новых профессиональных курсов театральных вузов страны могли бы помочь.

И сегодня на базе некоторых выпускных курсов театральных вузов страны могли бы возникнуть непривычные театральные организации. Но пока что добиться чего-либо в этой области — дело невозможное.

С три года назад в одном из крупнейших районов столицы, Петровском, возникла реальная возможность создания молодежного театра из студентов — выпускников Центрального училища Горького, под руководством которого было найдено подходящее помещение, эта возможность осталась нереализованной, ибо неизвестная окончательно горьким опыт.

С одной стороны, мы ратуем повсеместно за неуклонное повышение материально-культурного уровня народа, а культурные очаги создавать не торопимся. Между тем театров в Москве не хватает. Жители удаленных от центра районов вынуждены с силами один спектакль в год и то попадают на него с большим трудом.

Кому польза от такого положения вещей? Зрителям? Молодым подрастающим актерам? Сегодня, когда партия уделяет пристальное внимание вопросам досуга, повышению культурного уровня людей, оставаться на стадии организационных позиций в театральном деле просто недозволительно.

шем случае пишут: «Требуется молодой герой». Догадайтесь же, кто нужен театру: шекспировский Ромео или тревеский Шварц, должек ученик совета ученица, так как главные режиссеры театров, приславших такие заявки, сами на распределение не претендуют.

Естественно, не одна из указанных свою профессию актеров на подобное приглашение не откликается. И вот при наличии официальных заявок, острой нехватки кадров на периферии студенты, не желающие быть «котом в мешке», начинают со второй половины четвертого курса лихорадочно поиск работы.

Богатейшая практика студенческого бытия выбрасывает собственный, проверенный временем способ «выбить в люди». Это так называемые «козыри». Суть их заключается в том, что в течение мая — июня ежегодно режиссеры московских театров просматривают на своей сцене выпускников театральных вузов. То же самое происходит в это время в Ленинграде, только местом встречи становится театр, а не московские коллеги, поскольку, помимо «своих», они еще пишут заявки на различные конкурсы.

К сожалению, за подобного рода примерами, которых не так уж много, часто скрываются потребительская позиция некоторых режиссеров, от светской и светской потребляющих лишь внешние физические данные актера, да еще за пустышный промах любящих поклонников природы: «Ни чуял вас там в институте только учил».

Потребительско-эксплуататорское отношение к молодым в театре неизменно без изменения существующей системы нормирования труда и учета актерской занятости. Дело в том, что формально молодежь всегда загружена, миссионская норма выполняется в перевыполнении.

Но за счет чего? За счет «выхода» в массовых сценах. Парадоксально, но факт — при полной загруженности актеры тем не менее вреблюются в постоянном творческом «нейтралитете».

Отсюда берут начало пессимизм, инфантильность. Мы же между тем постоянно призывают их к активной жизненной позиции, к действию. И делаем это часто демагогически — ведь по деятельности не представляем.

Считаю, что одним из принципов, которыми должны руководстваться художественные советы театров при назначении распределения ролей в спектаклях, должен быть принцип наибольшего благородства молодым.

А при получении сигнала об их творческом простое обязаны быть трезвыми.

Конечно, это задача не проста, поскольку с молодыми актерами на сцену выходят мастера старшего поколения, имена которых составляют славу советского театрального искусства.

Одни из путей решения этой проблемы я вижу в создании новых профессиональных курсов театральных вузов страны. Но пока что добиться чего-либо в этой области — дело невозможное.

С три года назад в одном из крупнейших районов столицы, Петровском, возникла реальная возможность создания молодежного театра из студентов — выпускников Центрального училища Горького, под руководством которого было найдено подходящее помещение, эта возможность осталась нереализованной, ибо неизвестна окончательно горький опыт.

С одной стороны, мы ратуем повсеместно за неуклонное повышение материально-культурного уровня народа, а культурные очаги создавать не торопимся. Между тем театров в Москве не хватает. Жители удаленных от центра районов вынуждены с силами один спектакль в год и то попадают на него с большим трудом.

Кому польза от такого положения вещей? Зрителям? Молодым подрастающим актерам? Сегодня, когда партия уделяет пристальное внимание вопросам досуга, повышению культурного уровня людей, оставаться на стадии организационных позиций в театральном деле просто недозволительно.

Бороться с этими «обстоятельствами» по-

устоявшимся формам невозможно, так как сегодня не существует четкой системы нормативных актов, регулирующих данную область театральной деятельности, четко определяющих права и обязанности сторон, а главное, устанавливающих ответственность, отвечающих за это дело лиц.

В настоящее время педагогам остается только лишь мечтать о талантливо составленном законе, решающем проблему устройства театральных учеников, не ожидая судьбы или нет. А для некоторых выпускников театральных училищ период творческого становления приобретает патологическую, даже мучительную характеристику по причинам неблагоприятно складывающихся объективных обстоятельств. Обычно этих неблагоприятных обстоятельств, волнующих судьбы молодых актеров, волнует меня как актрист, педагог, коммунист. О них пойдет речь.

Каждые четыре года в мой класс в Театральном училище им. М. С. Шепкина при Малом театре Союза ССР приходят примерно двадцать пять абитуриентов, проходящих все муниципальные экзамены. С этой минуты и до выпускного вечера они становятся как бы нашими детьми, так как индивидуальная система подготовки, где каждый студент на счету и на виду, требует единения душ и мыслей ученика и учителя.

Задача создания такого союза единомышленников непроста, поскольку география каждого курса, как правило, обширна. В наш, например, иду едущ из всей страны разные по характеру, социальному положению, степени общеразвивающей подготовки люди.

Кстати, горько порой слышать бытующие суждения о том, что в театральный институт или училище принимают не только детей актеров и то по знакомству. Между тем неумолимая статистика показывает, что число театральных династий из года в год катастрофически уменьшается. Их количество сегодня минимало, и об этом факте стоит искренне сожалеть.

Жизнь показала, насколько эффективнее обучение любому ремеслу детей, с малых лет появившимся непросто, поскольку география каждого курса, как правило, обширна. В наш, например, иду едущ из всей страны разные по характеру, социальному положению, степени общеразвивающей подготовки люди.

Для того чтобы действительно «разглядеть» будущего актера, режиссер должен отнести к нему не только как специалист, но еще и как педагог. Именно с таких позиций подошел к предыдущему моему выпуску главный режиссер Драматического театра им. А. С. Пушкина Борис Морозов. Он принял на учебную пло-

щадку, где играли ребята, и в спонтанной, вычурной форме просматривал спектакли, где каждый студент на счету и на виду, требует единения душ и мыслей ученика и учителя.

Считаю, что одним из принципов, которыми должны руководстваться художественные советы театров при назначении распределения ролей в спектаклях, должен быть принцип наибольшего благородства молодым.

А при получении сигнала об их творческом простое обязаны быть трезвыми.

Конечно, это задача не проста, поскольку с молодыми актерами на сцену выходят мастера старшего поколения, имена которых составляют славу советского театрального искусства.

Одни из путей решения этой проблемы я вижу в создании новых профессиональных курсов театральных вузов страны. Но пока что добиться чего-либо в этой области — дело невозможное.

С три года назад в одном из крупнейших районов столицы, Петровском, возникла реальная возможность создания молодежного театра из студентов — выпускников Центрального училища Горького, под руководством которого было найдено подходящее помещение, эта возможность осталась нереализованной, ибо неизвестна окончательно горький опыт.

С одной стороны, мы ратуем повсеместно за неуклонное повышение материально-культурного уровня народа, а культурные очаги создавать не торопимся. Между тем театров в Москве не хватает. Жители удаленных от центра районов вынуждены с силами один спектакль в год и то попадают на него с большим трудом.

Кому польза от такого положения вещей? Зрителям? Молодым подрастающим актерам? Сегодня, когда партия уделяет пристальное внимание вопросам досуга, повышению культурного уровня людей, оставаться на стадии организационных позиций в театральном деле просто недозволительно.

Бороться с этими «обстоятельствами» по-

устоявшимся формам невозможно, так как сегодня не существует четкой системы нормативных актов, регулирующих данную область театральной деятельности, четко определяющих права и обязанности сторон, а главное, устанавливающих ответственность, отвечающих за это дело лиц.

В настоящее время педагогам остается только лишь мечтать о талантливо составленном законе, решающем проблему устройства театральных учеников, не ожидая судьбы или нет. А для некоторых выпускников театральных училищ период творческого становления приобретает патологическую, даже мучительную характеристику по причинам неблагоприятно складывающихся объективных обстоятельств. Обычно этих неблагоприятных обстоятельств, волнующих судьбы молодых актеров, волнует меня как актрист, педагог, коммунист. О них пойдет речь.

Каждые четыре года в мой класс в Театральном училище им. М. С. Шепкина при Малом театре Союза ССР приходят примерно двадцать пять абитуриентов, проходящих все муниципальные экзамены. С этой минуты и до выпускного вечера они становятся как бы нашими детьми, так как индивидуальная система подготовки, где каждый студент на счету и на виду, требует единения душ и мыслей ученика и учителя.

Задача создания такого союза единомышленников непроста, поскольку география каждого курса, как правило, обширна. В наш, например, иду едущ из всей страны разные по характеру, социальному положению, степени общеразвивающей подготовки люди.

Для того чтобы действительно «разглядеть» будущего актера, режиссер должен отнести к нему не только как специалист, но еще и как педагог. Именно с таких позиций подошел к предыдущему моему выпуску главный режиссер Драматического театра им. А. С. Пушкина Борис Морозов. Он принял на учебную пло-

щадку, где играли ребята, и в спонтанной, вычурной форме просматривал спектакли, где каждый студент на счету и на виду, требует единения душ и мыслей ученика и учителя.

Считаю, что одним из принципов, которыми должны руководстваться художественные советы театров при назначении распределения ролей в спектаклях, должен быть принцип наибольшего благородства молодым.

А при получении сигнала об их творческом простое обязаны быть трезвыми.

Конечно, это задача не проста, поскольку с молодыми актерами на сцену выходят мастера старшего поколения, имена которых составляют славу советского театрального искусства.

Одни из путей решения этой проблемы я вижу в создании новых профессиональных курсов театральных вузов страны. Но пока что добиться чего-либо в этой области — дело невозможное.

С три года назад в одном из крупнейших районов столицы, Петровском, возникла реальная возможность создания молодежного театра из студентов — выпускников Центрального училища Горького, под руководством которого было найдено подходящее помещение, эта возможность осталась нереализованной, ибо неизвестна окончательно горький опыт.

С одной стороны, мы ратуем повсеместно за неуклонное повышение материально-культурного уровня народа, а культурные очаги создавать не торопимся. Между тем театров в Москве не хватает. Жители удаленных от центра районов вынуждены с силами один спектакль в год и то попадают на него с большим трудом.

Кому польза от такого положения вещей? Зрителям? Молодым подрастающим актерам? Сегодня, когда партия уделяет пристальное внимание вопросам досуга, повышению культурного уровня людей, оставаться на стадии организационных позиций в театральном деле просто недозволительно.

Бороться с этими «обстоятельствами» по-

устоявшимся формам невозможно, так как сегодня не существует четкой системы нормативных актов, регулирующих данную область театральной деятельности, четко определяющих права и обязанности сторон, а главное, устанавливающих ответственность, отвечающих за это дело лиц.

В настоящее время педагогам остается только лишь мечтать о талантливо составленном законе, решающем проблему устройства театральных учеников, не ожидая судьбы или нет. А для некоторых выпускников театральных училищ период творческого становления приобретает патологическую, даже мучительную характеристику по причинам неблагоприятно складывающихся объективных обстоятельств. Обычно этих неблагоприятных обстоятельств, волнующих судьбы молодых актеров, волнует меня как актрист, педагог, коммунист. О них пойдет речь.

Каждые четыре года в мой класс в Театральном училище им. М. С. Шепкина при Малом театре Союза ССР приходят примерно двадцать пять абитуриентов, проходящих все муниципальные экзамены. С этой минуты и до выпускного вечера они становятся как бы нашими детьми, так как индивидуальная система подготовки, где каждый студент на счету и на виду, требует единения душ и мыслей ученика и учителя.

Задача создания такого союза единомышленников непроста, поскольку география каждого курса, как правило, обширна. В наш, например, иду едущ из всей страны разные по характеру, социальному положению, степени общеразвивающей подготовки люди.

Для того чтобы действительно «разглядеть» будущего актера, режиссер должен отнести к нему не только как специалист, но еще и как педагог. Именно с таких позиций подошел к предыдущему моему выпуску главный режиссер Драматического театра им. А. С. Пушкина Борис Морозов. Он принял на учебную пло-

щадку, где играли ребята, и в спонтанной, вычурной форме просматривал спектакли, где каждый студент на счету и на виду, требует единения душ и мыслей ученика и учителя.

Считаю, что одним из принципов, которыми должны руководстваться художественные советы театров при назначении распределения ролей в спектаклях, должен быть принцип наибольшего благородства молодым.

А при получении сигнала об их творческом простое обязаны быть трезвыми.

Конечно, это задача не проста, поскольку с молодыми актерами на сцену выходят мастера старшего поколения, имена которых составляют славу советского театрального искусства.

ОГНИ РАМПЫ

• Московский академический театр имени Вл. Маяковского показал новый спектакль — «Свежий памятник» Джона Маррека, рассказывающий о жизни замечательной актрисы Сари Бернар. Режиссер — С. Ишвиан, сценография — Е. Качаловой, в спектакле заняты популярные мастера сцены — народные артисты РСФСР С. Немирович и А. Лазарев.

• В Тюменском областном драматическом театре с успехом востановлен спектакль — «Укропление строгой» Шекспира. Режиссер — постановщик А. Цодиков, художник А. Вакарчук. В сцене из спектакля — Т. Пахолкова (Катерина) и Г. Баширов (Петрушка).

• Примьера спектакля «Гарольд и Мод» в Борисовском государственном академическом театре имени Ники Кулакова. Режиссер спектакля — Н. Павлович. В роли Мод — народная артистка Белорусской ССР С. Стапкота, Гарольд — артист Н. Денисов.

Фото В. Алексеева, А. Якубова
и телефон К. Шубы [ТАСС]

Из бесстрастного конвейера ТВ вновь превращается в друга, который искренне хочет сделать наши вечера интересными, полезными, разнообразными. И бьется над этим. И ощущается. Но нет.

Сегодня мы чаще включаем телевизор. Мы стали ждать неожиданностей. И главное — знать верши телеканала.

Чем тут дело? Что идут одни лица шедевров? Нет. Более того, отдельные прорывы в новое качество еще более подчеркивают, делают заметнее привычную серость многих программ. Но прорывы возникают. И они не случайны — видна обнадеживающая тенденция.

Первый же кинокино — ретроспектика фильмов Сергея Герасимова — не просто дал возможность перелистать страницы киноклассики. ТВ активизировало свою просветительскую роль. И кто-то, быть может, впервые обратил внимание на такие категории, как режиссерский почерк, тема, поэзия, стиль.

Не беллинки поток — замыслы! Как важно это чувствовать! Кто-то общается с нами через систематизацию. Обнаруживает свой вкус через отбор. С ним можно спорить, можно его поддерживать. Раз выбран для натала Герасимов, значит, можно надеяться, что в далее критерии будут высоки. Появилась личность за экраном — и ТВ тут же вернуло себе миссию быть средством коммуникации. Ведь нельзя общаться с потоком, со стихией, с никем.

Впереди передачи вновь начнут пронизывать лица. В большом и в малом. В кадре и за кадром. Вот нормализовались отношения с Госкино — и мы почувствовали это, увидев в своих экранах называния, еще вчера красавицы на афишах. Стал компетентнее и отбор фильмов, их появление на телеканалах возможна закономерность. Прекрасные картины «Торпедоносцы», «Мой друг Иван Лапшин» не изменили привычного успеха — и пережили на ТВ второе рождение. Мы меньше видим серые заграничные ленты, но больше педесеры мирового кино. Пропали «Мифостель» Сабо, «Два грона на ладонях» Кастелланы, «Преступление во имя порядка» Карне. И есть теперь надежда, что видим еще многие хорошие ленты — система вознаградила не только в построении программ, но и в наших ожиданиях.

ТВ уже не упрекаем, например, в нежелании нас развлечь. Быстро привыкаем ждать по выходным очередную увеселительную программу. Идеи терпеливо, понимая, что какие-то важные наставления в традиции в этой области ТВ успело забыть так прочно, что для них возрождения нужно время.

Чтобы возвратить, чтобы продолжить, необходимо пробовать. Неудача здесь возможна, ибо нет проб без ошибок. Но попробуем трезво оценить, какой путь плодотворен, а какой ведет в тупик.

Очень разные передачи — «Однажды осенью», «Однажды зимой», «Что такое «Ерайша?», «Лабиринт», «В нашем доме», «Золотая рыбка» — объединены, по-моему, некоей телевизионностью предложенности ситуаций. А отсюда — недумение, в котором они побороли. Хотя, казалось бы, появились новые имена. Хотя, казалось бы, появились новые имена. Хотя, казалось бы, побороли (по возрасту, правда, не по духу). Помогли резервы в «развлекательном цехе». Да и нельзя тут ждать одних

Стала скульптура «Золушкой»

Собиралася начать эту статью не так, но мне позвонили:

— Ты знаешь, что у твоего журнала на памятнике Крылову оторвали голову?

До этого у него Журавли оторвали крыло. А еще раньше спилили и унесли Соловьев, который пел Ослу. Друзья шутят: постепенно всех басенных героев линьивают. Интересно, как будут вытаскивать Синий из-за Дуба?

Впрочем, я уже ничего не удивляюсь. Ведь даже с памятника мамы погибших одноклассников из 110-й московской школы много раз отломывали штанги, дранки уносили бронзовый венок. В милиции рассказали, что у памятника Чайковскому перед консерваторией регулярно отвигивают ножи, превращая 6-ю симфонию в канюкцию. Что это? Конфузство? Хулиганство? Извенчество?

Когда возникла скульптура, неизвестно. Видимо, очень давно. Она была частью мира людей античности, гордости, Возрождения. Она была соразмерна человеку, не стремилась его подавить. Занимает ли это прекрасное искусство то место в нашей жизни? Нет.

Где можно встретиться со скульптурой? Во первых, на улице — с памятниками. Памятники ставят мало. Это грустно. Еще грустнее, что большинство их малоинтересные. В МОСХовском «купальщике» есть такой номер: Министерство культуры разработало типовые модели памятников — стоящего и сидящего. Поросняки, изображенные скульптурами, должны узнаваться по костюму, форме носа и стрижки. К сожалению, это близко к действительности.

Когда я давным-давно вступила в МОСХ, первое получение мной приглашения было на обсуждение проекта памятника. Последние лет двадцать я таких писем больше не получаю, конкурсы на памятники не проводят, эскизы будущих памятников не обсуждают, хотя требования об этом записываются в паспортах на каждом съезде художников. Памятники нераднички, mimic их проходят, не повернув головы начин.

Декоративная скульптура больше повезла. В ней есть поиск, больше находок, не ограниченный кругом авторов — можно увидеть молодежь, да и старшее поколение действует решительно и веселее. Но и здесь проблемы. Заказчики — обычно богатый колхоз или завод редко-редко горсовет: он беднее да и опасается: не влетит ли в «излишества», к которым будущему отнесена вся скульптура. И стоит в наших городах голые площади, улицы, парки. От Шереметьева до Домодедово — 80 километров. И на всей трассе — три скульптуры — Пушкин, Маяковский, Горький. Не густо. Проехав все Чертаново, все Бескудниково, все Мневники, весь Юго-Запад — голо.

Новый, с ноготочками, бело-голубой огромный в пустой микrorайон Строгино. Из очагов ду-

ховой культуры только киоск «Союзпечати» да кинотеатр «Галилейстан». Мы со скульптором Н. Богуславским и архитектором А. Половниковым предложили на одном из спускающихся к Москве-реке пролездов создать бульвар Романтиков. На высоких железных колоннах — композиции из листов металла: романтика разных лет нашей жизни. Сделали эскизы, показали. Все были «за». Но заинтересованных в осуществлении не нашлось.

Да из своей практики. Сделали мы со скульптором В. Тюльным медного слона и других зверей на фасаде Театра зверей Дурова. Они должны были двигаться от ветра. Но воробы настрояли гнезд на всех поворотных углах, и замерили наше изваяние козы и мартышки. В следующей композиции «Карусель» для другой стороны театра мы решили поместить умнее и предусмотрели электромотор с трансмиссией и «веревичным» механизмом. Скульптура уже два года стоит готовая, проектирование есть, оплачен заказчиком, но не могут найти предприятия, которое согласилось бы изготовить механизм, доступную деревенскому кузену. И не крутят морской лев карусель со зверями, не улыбаются московские ребята. Каждый наш вояж может рассказать массу примеров, когда замыслы его гибнут, ущерпив в стены независимости.

В городах строятся огромные мемориалы. Многие из них, стоящие миллионы, не трогают души. Не лучше ли на эти деньги украсить скромными, разными по пластике, по материали творческими городские скверы, улицы?

Почему бы не устраивать в городах парки скульптуры, как хотели сделать в Зарайске, на месте нынешней гостиницы «Россия»? Такой парк, ставший городской достопримечательностью, создал в маленькой Клавдии почти задаром. Почему выполняли на московских бульварах только самодельные деревянные медведи да зайцы?

Да, пока что на улицах и скверах наших городов центром скульптуры не становятся. Тогда, может, на выставках? На выставках скульптуры много. И много хорошей. Но увидеть ее трудно.

Знаете, как создается экспозиция любой выставки? Сначала развещивается королева выставки — живопись, потом наследники принца — графика. А в осташине замкнуты заставка — «Золушка» — скульптура. Кто мне не верит, может пойти на любую выставку в Манеже, на Крымской набережной, на Кузнецком и убедиться. Так как на каждой выставке скульптура, как, впрочем, и картины, сплющивается гораздо больше, чем можно (не говоря уж о нужн), то и заметьте их — не то что внимательно рассматривать — невозможно. Стоят они и против света, и на фоне пожарных кранов или дверей, не на нужной высоте, не в том освещении... Бедная, бедная

Задумка, как бы все время играть в игру с заранее известным финалом и потому для нее беспрограммную. При этом в ход идут любые средства: слезы и цинизм, угрозы и жалобы. Любость, с какой они пускаются в ход, пугает: ведь за игрой во героях нет боли, ни вины, в одни только пустоту и растерянность.

Но приходит момент, когда в устоявшемся мире Надежды образуется трещина, и тогда начинается не игра, а жизнь. С этого момента привычный мир раскалывается, прозорный стекло обламывается, и девочка приходит от взгомона к самоотречению.

Ирина Горюхова дебютировала на сцене Малого театра юного зрителя сразу в главной роли — в спектакле «Все надежды» М. Рощина, в постановке Ю. Жигулевского. Еще во время репетиций театр приехал к воспитанникам специшколы — девчонок этих называют «трудными подростками». Воспитанницы видели поток спектакля: Да, они узнавали себя, но не это, очевидно, заставляет ее теперь писать полные недовольства собой, кричанием одним вопросом — как жить? — письма. Такие письма приходят к Ирине Горюховой по нескольку в день.

Горюхова спектакля — человек сильный, с мощным внутренним стержнем. Только сила эта привнесла ей ошибки и слабости взрослых. Ей свойственна ограниченность взгляда, ее кажется, что мир разинут и этиотичен. Героиня

актеры и роли

Ирина Горюхова

И. Горюхова Надежда как бы все время играла в игру с заранее известным финалом и потому для нее беспрограммную. При этом в ход идут любые средства: слезы и цинизм, угрозы и жалобы. Любость, с которой они пускаются в ход, пугает: ведь за игрой во героях нет боли, ни вины, в одни только пустоту и растерянность.

Но приходит момент, когда в устоявшемся мире Надежды образуется трещина, и тогда начинается не игра, а жизнь. С этого момента привычный мир раскалывается, прозорный стекло обламывается, и девочка приходит от взгомона к самоотречению.

Ирина Горюхова дебютировала на сцене Малого театра юного зрителя сразу в главной роли — в спектакле «Все надежды» М. Рощина, в постановке Ю. Жигулевского. Еще во время репетиций театр приехал к воспитанникам специшколы — девчонок этих называют «трудными подростками». Воспитанницы видели поток спектакля: Да, они узнали себя, но не это, очевидно, заставляет ее теперь писать полные недовольства собой, кричанием одним вопросом — как жить? — письма. Такие письма приходят к Ирине Горюховой по нескольку в день.

Горюхова спектакля — человек сильный, с мощным внутренним стержнем. Только сила эта привнесла ей ошибки и слабости взрослых. Ей свойственна ограниченность взгляда, ее кажется, что мир разинут и этиотичен. Героиня

актеры и роли

скульптура, рассчитанная на долгое спокойное созерцание, любование и размышление, на возбуждение высоких чувств и мыслей.

Но «нет повести печальной на свете», чём повесть о судьбе произведения после выставки.

У меня есть сосед по мастерской, заслуженный художник РСФСР Николай Львович Штамм. В этом году ему исполнилось 80 лет. Каждое утро десяти он в мастерской запирается. И весь свой девяностоносый день, без перерыва на обед, вспоминает. Вдохновение его произведения в натуре или в полторы: Данте и Сальвадор Шедиан, Минеландже и Лолита Торрес, Алла Пугачева и альбиносы. Целый музей — и никому не нужен. Даром отдает — не берут: затем отвечать за сохранность? Почти все эти работы простояли на разных выставках по 22 дня (срок такой короткий потому, что выставки персональных или групповых надо дожидаться долгие годы, у МОСХа выставочный зал на Кузнецком мосту построен еще до войны, в остальных местах, кроме маленьких залчиков на Беговой, московские художники в Москву не ходят, в гости). Выставки кончаются, и возвращаются эти труды к автору на вечное поселение в наших подваловых темницах.

После каждого скульптора остается его мастерская, полная работ, на «пристройку» которых куда-нибудь (или линквицию) дают родственникам шесть месяцев, а потом отдают вновому арендатору — на вон кипяток.

Труд художника дорог, и не только для него, а по своей общественной стоимости. Ибо талант — редкость. Стоит посчитать. После Франциска Гойи осталось 750 полотен, не считая рисунков и гравюр. Это не сверхпродуктивность, скорее — норма. Просто, все работы Гойи зафиксированы, а многих других — нет. Значит, у нас в стране — десятки тысяч картин, скульптур, некоторое количество из них постепенно гибнет в разных запасниках, а большая часть — у родственников.

После каждого скульптора остается его мастерская, полная работ, на «пристройку» которых куда-нибудь (или линквицию) дают родственникам шесть месяцев, а потом отдают вновому арендатору — на вон кипяток.

После каждого скульптора остается его мастерская, полная работ, на «пристройку» которых куда-нибудь (или линквицию) дают родственникам шесть месяцев, а потом отдают вновому арендатору — на вон кипяток.

После каждого скульптора остается его мастерская, полная работ, на «пристройку» которых куда-нибудь (или линквицию) дают родственникам шесть месяцев, а потом отдают вновому арендатору — на вон кипяток.

После каждого скульптора остается его мастерская, полная работ, на «пристройку» которых куда-нибудь (или линквицию) дают родственникам шесть месяцев, а потом отдают вновому арендатору — на вон кипяток.

После каждого скульптора остается его мастерская, полная работ, на «пристройку» которых куда-нибудь (или линквицию) дают родственникам шесть месяцев, а потом отдают вновому арендатору — на вон кипяток.

После каждого скульптора остается его мастерская, полная работ, на «пристройку» которых куда-нибудь (или линквицию) дают родственникам шесть месяцев, а потом отдают вновому арендатору — на вон кипяток.

После каждого скульптора остается его мастерская, полная работ, на «пристройку» которых куда-нибудь (или линквицию) дают родственникам шесть месяцев, а потом отдают вновому арендатору — на вон кипяток.

После каждого скульптора остается его мастерская, полная работ, на «пристройку» которых куда-нибудь (или линквицию) дают родственникам шесть месяцев, а потом отдают вновому арендатору — на вон кипяток.

После каждого скульптора остается его мастерская, полная работ, на «пристройку» которых куда-нибудь (или линквицию) дают родственникам шесть месяцев, а потом отдают вновому арендатору — на вон кипяток.

После каждого скульптора остается его мастерская, полная работ, на «пристройку» которых куда-нибудь (или линквицию) дают родственникам шесть месяцев, а потом отдают вновому арендатору — на вон кипяток.

После каждого скульптора остается его мастерская, полная работ, на «пристройку» которых куда-нибудь (или линквицию) дают родственникам шесть месяцев, а потом отдают вновому арендатору — на вон кипяток.

После каждого скульптора остается его мастерская, полная работ, на «пристройку» которых куда-нибудь (или линквицию) дают родственникам шесть месяцев, а потом отдают вновому арендатору — на вон кипяток.

